

Антиглобалист

16+

Роман Данько

Роман Данько
Антиглобалист

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Данько Р. Г.

Антиглобалист / Р. Г. Данько — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Антиглобалист»: рассказ о молодых ребятах из Украины, каждый из которых живет своей жизнью и своими целями, для кого-то стоит во главе карьера, власть, попытка выжить в стремительной борьбе за кусок материальных благ. А для кого-то возможность удержать и не растерять извечные духовные человеческие ценности, которые актуальны в любую эпоху, и тем более во время не только экономического, но и духовного кризиса. Герои книги олицетворяют противостояние исконных самобытных и современных ценностей, порожденных глобализацией.

© Данько Р. Г., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

«Мы не выбираем ни страну, где родимся, ни народ, в котором родимся, ни время, в котором родимся, но выбираем одно: быть людьми или нелюдьми».

Патриарх Сербский Павел.

Давид стоял на пешеходном мосту огромной реки. Был теплый воскресный день июня. Небо было в меру облачным, что делало погоду щадяще жаркой. Улицы были немногочисленными, потому что было утро. Давид любил приезжать сюда на метро любоваться огромными потоками воды, которая плавно уходила на юг в паре десятков метров под ногами. Вода помогала ему сконцентрироваться.

Сегодня он ждал приезда родного и единственного младшего брата Георгия, которого очень любил и которым дорожил. А пока было время прогуляться, отвлечься от работы и всевозможных задач, которые в последнее время навалились.

Десять минут назад Давид, вот уже в который раз, не смог дозвониться старому другу Даниле. Последнее время с ним все тяжелее было выходить на связь. Это сердило какое-то мгновение, а в целом Давид свикся с мыслью «до тебя практически никому нет дела, пока не стал быть выгодным». Конечно, хотелось повидать, расспросить старого друга, как в старину, поделиться пережитым, но в очередной раз Данила игнорировал звонок. «Что же у тебя за дела такие, что мы живем в одном городе, а встретиться никак не можем? – думал Давид. – Когда это бизнес становится ценнее дружбы?» Перед парнем стоял очевидный, но очень важный факт, их дружба длится по инерции, и Данила перестал ею дорожить.

«В наше время друзья теряются не когда ты в беде, до беды еще нужно дожить. Они просто теряются, народ обмельчал духовно». – Продолжал размышления парень. А звонить продолжал скорее из чувства долга к прошлому, пережитому вместе. Тем более жизнь научила его не рубить мосты с плеча, и давать людям второй шанс. Он пытался понять то мировоззрение, в которое окунулся Данила со всей многогранной палитрой ситуаций обстоятельств и людей что его окружили и непосредственно влияли на его жизнь и мнение. Но все имело рамки приличия, чести и достоинства. Этим, и другим поведением Данила не столько проявлял пренебрежение Давидом, сколько терял его уважение к себе.

«Этот мир забывает извечные ценности» – продолжал размышления стоящий на мосту. Теперь он был даже рад, что Данила не взял в очередной раз трубку, ведь возьми он её сейчас, и разговор мог бы принять негативный оттенок. И что бы развеять неприятные мысли, Давид «плюнул», когда вызов гудков телефона прервался. Углубление в анализ прошлого давало ему силы и надежду на лучшее будущее. А задач перед ним теперь стояло несколько... Но, обо всем по порядку.

«Словно заразы боится моей бедности. Вырваться хочет из этой рутины. Пусть. Кесарю кесарево...». – Продолжал размышления наш герой.

И он думал о том, как полезно порой быть одному, не только тогда, когда рядом нет никого, а когда ты перестаешь быть частью жизни других людей. Когда оказываешься отверженным по каким-то причинам, тем более по причинам социального положения. Когда перестаешь чувствовать себя товаром с биркой и ценником в виде статуса и количества денег, средством, а не объектом интересов, ступенью, а не братом, куском плоти, а не душой. Лишь быв оставленным в покое оценивающими так людьми, можно услышать голос внутри себя, и понять, в конце концов, кто ты такой на самом деле.

Тем более нужно было обдумать, как поступить с сотрудниками в связи с назревшим бунтом. «Кризис в стране ожесточает людей, делает их более расчетливыми и циничными. Но большим верхом цинизма является бездействие сильных. В такие дни обнищание целого народа толкает людей к большим переживаниям о материальном. Сама ситуация должна заста-

вить нас всех пересмотреть свои ценности, и как результат образ жизни. Проблемы встряхивают общество. В динамике легче определить, кто чего стоит. И в это тяжелое для нас время, как никогда нужно отыскивать в людях в первую очередь человеческие качества, а экономические бедствия в государстве – это всего лишь хороший способ проверки нас всех на «вшивость». Ведь безнравственное общество теряет статичность. Отсюда все остальные кризисы. Но как понять где кончается берег нравственности, и начинается утопия безнравственности?» Раньше Давид думал, что над этими понятиями могут размышлять только сытые, но когда самого протащило по дну бедности, осознал, это не так.

«Как дальше жить? Как создать семью в этих условиях простому человеку? На что жить? Куда пойти на работу? Хватит ли на съёмную квартиру? Эти и другие подобные вопросы тревожат любого молодого человека только что закончившего школу техникум, вернувшегося из армии или университета. Если тебе не пригрели и не устроили где-то родственники, всего остального придётся добиваться своими силами. Но достигнув даже самую малость выше перечисленного своими силами, по настоящему ощущаешь вкус жизни».

Давид глядел в потоки темной воды и задумывался: «Поднятие подобных тем чаще всего вызывает удивление среди людей, скептицизм, безразличие, непонимание. Каждый вроде бы сам определил для себя правила игры, каждый все знает, и не хочет копаться в том, что лишний раз нагружает разум, цепляет душу. Да и о душе то сейчас говорить не принято, будто она пережиток прошлого. Большинство по-прежнему живет инстинктивно, не углубляясь в суть процесса под названием жизнь. Вот почему обществу так необходимы теория эволюции Дарвина, и другие теории, что бы оправдать все животными инстинктами».

Давид размышлял, и видел в материалистическом, и потребительском мировоззрениях источник причин разлада людей. Но как бы то ни было, пришло время на работе разделить «плевелы от зерна», честных людей в компании от непорядочных. Но для этого нужно было проявить мудрость наблюдательность и справедливость.

Утренняя прогулка нашего героя неспешно продолжилась по мостовой, потом Давид спустился в метро. Проехал несколько станций стоя, держась рукой за поручень. Смотрел косвенно на людей, не создавая им дискомфорта, пытался понять, что у них на уме, в этот период жизни. Ему нравилось метро даже лишь потому, что здесь бедный и обедневший средний класс был четко отделены от другого. Все эти люди составляют явное большинство в нашей стране, он знал, что им сейчас нелегко, Давиду казалось, что он нащупал в своем сознании ответ и правильный вариант решения глобальных проблем, навалившихся на страну. Он отыскивал в глазах и лицах этих людей необходимый материал, этот пластилин, из которого можно вылепить всеобщее спасение, этот «ковчег», на котором уплывут не многие, но уцелевшие, избравшие единственно правильный путь в нужное время в нужном месте.

Вот мужчина, зашедший в вагон лет сорока пяти, опрятно одет, но уж в больно заношенном мятом костюме, с затертым старым портфелем в правой руке и полупустым пакетом с продуктами. Укрытое морщинами лицо, старые очки, дешевые китайские часы на руке, старые ботинки, усталые глаза выдают беспросветность рутинной деятельности. Он, скорее всего, думает о том, как доучить дочь или сына в университете, как прокормить семью, он видит плачевность и не перспективность своего дела. Это обедневшая интеллигенция. Он мог быть инженером, мог быть врачом, учителем, или ученым.

Рядом сидит пенсионер, читает газету, его внешний вид ещё печальнее. «Можно порой перепутать наших пенсионеров с бездомными – думал Давид – так скудно они одеты. Но в отличии от последних, их отличает все-таки чистота одежды и трезвый осознанный взгляд».

Вот матери едут с детьми, одеты исключительно в «second-hand». Лучше одеты всегда молодые люди, у которых есть ещё амбиции, силы и энергия работать, но им зачастую помогают родители, в вагоне стояло несколько студентов.

Тут же едут строители из сел и поселков, продавцы рынка, менеджеры малого звена, программисты, юристы, медсестры, охранники, курсанты и военные, бухгалтера, а также безработные. А также жулики, нищие, бездомные и другие, интересные и не очень личности.

Вагон метро был заклеен рекламой, каждый лоскуток которой пытался что-то продать. «Сегодня время менеджеров, торговцев – подумал Давид – вот кто зарабатывает в мире сейчас». Потом Давид непроизвольно подумал о нашей власти, сотканной из олигархов, которые использовали власть как средство по реализации своих бизнесов, приумножения своих доходов. Он задумался о том, что их дети все поголовно учатся за границей, что часть активов олигархов находится тоже в других странах, и они ничем практически не рискуют, всегда могут уехать, если придется уезжать.

На одной из станций в вагон зашла девушка, и остановилась возле двери. Давид, увидев её лицо, умилился, таким приятным по выражению оно ему показалось. Да и сама девушка была молодой и симпатичной, но что-то внутренне пережитое ею делало его сильным и по наитию Давида добрым. В нем была какая-то грусть и скорее рутинная усталость. Но грусть, не праздная, не от отсутствия чего-то земного, не от того что девушка не может купить ту или иную куртку, или поехать за границу в отпуск, как это часто бывает у людей ее возраста, не от ссоры с подругой, или неприятностей на работе, или чего-то другого пустякового. Нет. Тут Давиду виднелось что-то другое, необъяснимое. Хотя, наш герой понимал, что мог ошибиться. Ещё он не был из тех ребят, которые бегают за девушками по первому влечению внешней красоты. Тут он был тяжел на подъем. Но, если что-то и сдвигало его с места, то только страх упустить ту единственную раз и навсегда, в присутствии которой в этом мире, он, несомненно, верил, надеялся её встретить и боялся потерять. Девушка стояла возле выхода, читала расклейку рекламы над окнами и дверями вагона, а потом остановилась на одной вывеске, перечитав несколько раз. Она достала смартфон, и сфотографировала объявление. На следующей остановке она развернулась к выходу, и это дало возможность Давиду подойти к девушке поближе и заодно разглядеть объявление. Это был листик небольшого формата с просьбой помочь маленькому мальчику сделать операцию на сердце. Были координаты групп в соцсетях, телефоны и номер банковской карты родителей несчастного ребенка.

Давид записал сайт группы в телефон. Вагон поезда остановился, дверь открылась, и девушка вышла с большей частью пассажиров. Давид направился за ней. Уже через пять минут они были на улице, которая выходила на площадь с фонтанами и кофейнями, бутиками и уличными продавцами сувениров и книг. Девушка оглянулась вокруг, явно разыскивая кого-то. Потом посмотрела на часы, опять оглянулась и через какое-то время направилась в сторону столов, на которых были плотно разложены книги и продавались уличными торговцами.

Наш герой держался в стороне, и шел за незнакомкой, наблюдая, пытаясь изучить её лучше в этот короткий промежуток времени.

Ему хотелось надеяться на то, что проявленная не безразличность девушки в метро была искренней. Находясь на расстоянии, он не осмеливался подойти и познакомиться с ней лишь по причине того, что она могла ждать своего парня, или жениха, в таком случае знакомство бы отменилось. Ещё поднимаясь по эскалатору, к выходу из метро, он обратил внимание, что обручального кольца на ее безымянном пальце не было, и это дало надежду. Хотя отсутствие кольца на пальце не давало совершенно никаких гарантий. Давид старался не думать об этом, хотя сами устои нашего общества вселяли дурное предчувствие.

Минута шла за минутой, девушка перебирала в руках книги, тщательно отслеживая содержание, потом остановилась на одной, перелистывала, читала про себя фрагменты и клала книгу на место, продавец же навязчиво пытался что-то продать. Девушка вежливо улыбалась, просила прощения, и уходила в сторону. Она прошла несколько кругов вокруг центрального фонтана, достала из сумочки свою книгу, неизвестного Давиду автора и сидя на плите фонтана, углубилась в чтение. Она зачиталась, и не обратила внимания на то, как наблюдатель сел

в нескольких метрах от нее. Он испытывал некий азарт, и чувствовал себя охотником на дикую и стройную лань. Давид улыбнулся, от мысли, что уже присутствует в её жизни, и что она в его присутствует, хоть об этом ещё и не знает. А может, и не узнает вовсе, и может он сейчас уйдет и уже через неделю, или через месяц ни разу не вспомнит о ней, лишь изредка, если будет когда-то садиться на бордюр этого фонтана.

Время шло. Девушка читала и периодически оглядывалась. Давид тоже ждал, и решил про себя, не вмешиваться. Прошло уже минут сорок с момента выхода их из метро, а она продолжала ждать. Это не делало чести тому, кто опаздывал. Давид также понимал, что это может быть и подруга девушки, а может кто-то из родственников, или сотрудников по работе, или сокурсников по учебе. Все-таки, не узнав, с кем ей предстояла встреча, он не решался подойти, а вернее, не спешил. Ему хотелось разглядеть её, и понять. Давид понимал, что это не совсем прилично. Но, осознание, что от этого может зависеть вся её, и его жизнь в дальнейшем, заставляло пока бездействовать, а точнее, что-то внутреннее не давало ему уйти. Тем более, наш герой был серьезен в вопросах жизни, особенно если дело касалось взаимоотношений. Он никогда не знакомился ради временных связей, и всегда презирал девушек и парней, вступающих в близкую связь временно.

Потом к фонтану подошла нищенка. Она была в непотребном виде и с легким перегазом, все к кому она приставала с разговорами и просьбами о милостыне всячески сторонились её. От этой женщины исходил неприятный запах, и скорее всего это первое оторвало нашу героиню от книги. Девушка обратила внимание на женщину, их взгляды встретились, и бездомная начала причитать уже заученным текстом о своих бедствиях. Девушка какое-то время смотрела на её дрожащее тело, что-то обдумала, а потом полезла в сумочку, достала кошелек, и протянула нищей несколько купюр. Это была не значительная сумма, но женщина сильно обрадовалась, взяла деньги, раскланялась с пожеланиями: «Да храни тебя Господь. Пускай удача сопутствует тебе во всем. Пускай тебе попадетсся хороший муж, и ты будешь счастлива». Девушка улыбнулась последней фразе, провожая нищенку взглядом, отложив книгу в сторону. Тут-то она и встретилась взглядом с Давидом. Он дружелюбно улыбнулся. Но она, смутившись, резко увела взгляд в сторону, и, поправив локон волос, упавший на лицо, посмотрела на часы. Давид немного смутился, но продолжал сидеть, закинув руку за руку с таким же невозмутимым видом, а потом обратился к девушке:

– Большинство людей игнорирует нищих и бездомных. Они думают, что это бессмысленно давать таким, ведь они либо пропьют, либо будут дальше бездельничать, шатаясь по городу, не меняя свой образ жизни, обманом выпрашивая у людей деньги, прикрываясь своей болезнью или болезнью близких, прикрываясь временной проблемой или нуждой. Многие считают, что нищие делают из этого профессию, скорее всего среди нищих много таких. Как вы считаете?

Девушка, резко взглянула на Давида, и также резко убрала взгляд, ничего не ответив, снова уткнулась в книгу.

Понимая, что своим разговором смутил девушку, Давид и сам смутился, но отступить уже было поздно, и он либо окажется в дураках, либо все-таки заведет с ней диалог, поэтому продолжил:

– Но есть другой тип нищих. Вот в нашем дворе часто появляется две женщины, одной лет около сорока, другой около шестидесяти, первая похожа, скорее всего, на умалишённую, вторая на обычную пенсионерку, которой тяжело свести концы с концами. Обе они ходят не сообщая, в разные дни и в разное время, побираются по мусорным бакам. Так вот, и не одна и не вторая не берет деньги. Сначала я думал, что проблема в людях, дающих деньги. Может нищие бояться людей, которые их до этого обижали, и поэтому каждый вызывает у них недоверие? Потом обратил внимание, что реагируют так на всех остальных. Эта же история, повторилась еще с одним нищим, мужчина лет пятидесяти отказался брать деньги, уже в другом районе.

От чего это так вдруг среди нищих пошла такая тенденция? Может им предлагали деньги, а потом, когда они к ним тянулись, их били в ответ? Или, может, быть у них есть какое-то понятие собственного достоинства, то, что мы называем честью. И оно ведомое только им, и они готовы есть с мусорного бака, лишь бы не быть иждивенцами за счет других? Не от нашего ли безразличия и цинизма нищие не хотят брать милостыню? Хотя это могли быть частные случаи.

Давид заметил, что взгляд девушки ушел со страниц книги, и она, продолжая держать ее в развернутом виде, все-таки слушала его. Поэтому продолжал:

– Однажды мне попался парень, молодой, лет двадцати-тридцати, от того что он был запущен, грязен, не стрижен и не брит, я все не мог понять какой у него возраст. Он рылся в мусорном баке, и явно отыскивал, что то поесть. Я со своими ребятами трудился неподалеку, и предложил ему поесть с нами. Так как мы только собрались отобедать. Каждый из нас принес еду в пластиковых лотках. Парни брезговали кормить его, и я предложил ему свою порцию, и он, с аппетитом, стоя в стороне, все съел, как говорят, за милую душу. А потом, через год, так совпало, мы работали в том же дворе, он к нам подошел. Выглядел уже в порядке. В рабочей одежде, сотрудника ЖЭКа, вымыт, в приподнятом настроении, розовощекий и слегка по хорошему располневший. Он не узнал меня, но, начал делиться воспоминаниями, что в прошлом году здесь была бригада, и что его здесь накормили. Что он хотел отблагодарить, хоть и не видит сейчас тех знакомых лиц. Он сказал, что хотел просто сказать, что его жизнь наладилась, у него есть, пусть неказистое, но жилье, работа, и смысл жизни. Он рассказал о том, как был наркоманом, как от него все отвернулись, даже родители, как он стал бездомным, как его отовсюду гнали со всех дворов, как он хотел покончить жизнь самоубийством, как ему было нечего есть, и как его здесь накормили. Он говорил, что тогда получил, не просто еду, но надежду на человечность. Наличие преступного сословия, маргиналов и отморожков, наверное, от части, следствие безразличия и циничности общества.

Девушка, явно имея на этот счет свое представление, понаблюдав за незнакомым молодым человеком, немного прониклась доверием, но, не желая знакомиться, все-таки решила поговорить скорее из любопытства к теме, и из тех соображений, что видятся они в первый и в последний раз:

– Вы знаете, все люди разные. И обманщиков очень много. Но среди этих людей есть те, кто по-настоящему нуждается. Поэтому одни выбирают не подавать милостыню никому, это крайность. Ведь таким образом относятся подозрительно, или предосудительно, оценивая других только по себе, осуждая и порицая всех, кто на ступень ниже, кто оступился и не знает, как выпутаться, или не хочет выпутаться. Будто у осуждающих не бывает проблем, будто все вокруг должны быть написаны под копирку их собственного представления об идеальном мире. Милостыню нужно давать всем без исключения, чтобы не пропустить того одного, кому она на самом деле предназначена, иначе милосердию не останется в этом мире места. А если человек попавший в беду не встретит и не получит порцию милосердия, хотя бы малую его часть, непременно озлобится. Конечно, есть случаи, когда ты точно уверен, что милостыня пойдет во вред человеку, тогда лучше не давать.

– Но ведь так можно совсем разориться – резюмировал Давид скорее из умиления ответом, для проверки девушки наследующий.

– Нужно давать не в ущерб, и тогда не разоришься.

Давиду одобрительно улыбнулся в знак согласия, и уже обдумывал, слегка зажмурив глаза, следующий вопрос, который хотел задать. Но, на горизонте появился тот, кого ждала наша героиня.

Это был парень чуть старше девушки, аккуратен, и довольно модно и современно одет. Выбрит, хорошо подстрижен. Подойдя, он несколько раз поправил волосы, Давиду он показался чересчур вычурным.

Как только девушка увидела его, то сразу поднялась и сделала несколько шагов на встречу. На её лице читалось легкое недовольство опозданием приятеля.

– Привет. Извини, пришлось задержаться, были дела. Ты давно ждешь? – кинулся было с объятиями новопривывший.

– Около часа. Почему не перезвонил? – Ей хотелось, чтобы он хоть на йоту почувствовал её недовольство.

С другой стороны, можно было допустить, что Ричард застрял в пробке, но, такое его пренебрежительное отношение чувствовалось не впервой. Девушке не нравилось, что он трудится, в пол ноги. Тем более её раздражало то, что он был, по её мнению, немного глуп в данной ситуации, и не мог правильно объясниться. Девушка уже успела сходить с ним на несколько свиданий пока что более из любопытства, нежели из-за большой симпатии, которая к тому же, исчезала в геометрической прогрессии после его опоздания. Она несколько лет, как приехала в этот большой город, и все перебивалась с работы на работу, пока не нашла ту, на которой познакомилась со своим коллегой-начальником Ричардом. А теперь он надумал ухаживать за ней. Но, то ли пользуясь своим служебным положением, то ли будучи избалован, лишним женским вниманием, он не старался, и девушка теперь думала приостановить эту дружбу.

– Мне казалось, что я успею, но, пробки. Нужно было заехать и забрать тебя из-дому на такси. Машина моя сейчас в ремонте. – извиняющим тоном говорил Ричард, но не теряя при этом собственного достоинства.

– Да ладно, ничего страшного, я же сама решила ехать на метро.

– Ты обижаешься, вижу это по твоему лицу. Прости. Но я и вправду ничего не мог поделать.

– Мне показалось, когда я тебе звонила, что ты ещё только проснулся.

– Нет, тебе показалось.

Давиду этот парень не понравился, было понятно, что они не муж и жена, не помолвлены, и знакомы недавно. Эти догадки подвигли Давида вмешаться, без лишних эмоций он произнес, обращаясь к девушке:

– Он не ценит тебя. Не стоит идти с ним на свидание.

Собеседники удивленно посмотрели на незнакомца.

– А это ещё кто такой? – с негодованием произнес Ричард, глядя на девушку. Она в недоумении снизила плечами. Давид понимал, что это не совсем прилично вламываться без стука в чужую жизнь, но человек он был категоричный и радикальный в отдельно взятых ситуациях. Поэтому начав, решил не останавливаться.

Кавалер же решил пойти методом «воды обтекаемой камень», игнорируя оппонента. Поэтому, после заданного вопроса, решил не отвечать. Но уйти, поджав хвост в этом обстоятельстве, ему не позволяла гордость.

– Я прошу прощения за прямоту, но, я бы ни за что не опоздал к вам, явись мне такая возможность – продолжал Давид, обращаясь к девушке. Ричард, видя, что парень не унимается, решил все-таки спасовать, продолжая игнорировать возмутителя спокойствия. Он взял девушку под локоть и произнес в полголоса:

– Пойдем отсюда.

– Ваши слова не тактичны. Мы даже не знакомы с вами, а вы ведете себя бесцеремонно – вставила девушка.

– Тогда я к вашим услугам и готов представиться. Меня зовут Давид – проговорил он с дружелюбной улыбкой, поднимаясь из сидячего положения на ноги, протягивая девушке руку.

Инна не отреагировала взаимным жестом, а только нахмурила брови.

– Пойдем, дорогая – возмущенно сказал Ричард, злобно оглядывая с ног до головы оппонента.

Давид входил в раж, его забавляла эта история, он крикнул уже уходившей паре в спину, уж больно хотелось ему протестировать её кавалера на стрессоустойчивость:

– Он спрятался за вами, не в силах ответить за себя. Как же он сможет защитить вас?

Ричард изрядно психанул, задрожал в гневе, ведь задел его самолюбие, а надо признать, он был человек изрядно честолюбивый. Он развернулся, отпустив локоть девушки, и направился в сторону Давида:

– Ты что-то хочешь? – произнес злобно он. Но Давид, не заставил себя долго ждать, ни секунды не сомневаясь, резким шагом приблизился к обвинителю:

– А ты можешь что-то предложить? – и насмешливая улыбка засверкала на его лице словно нож, который готов был пронзить врага в любой момент. Несколько секунд парни стояли друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки прикованные взглядом.

Ричард был явно чрезмерно напряжен, эмоции захлестывали его, и он не знал, что будет делать дальше. Давид же, стоял, спокойно, он был уравновешен и сосредоточен. Ричард не был похож на того, кто может причинить ему ущерб, а если бы и был таким, то дистанция между ними была таковой, что Давид всегда мог отбить атаку, или уйти на дальнюю дистанцию сделав отскок назад с молниеносной атакой в ответ. Видя накал страстей, вмешивалась сама девушка:

– Ну, все, хватит! – строго проговорила она, влезая между ними. – Ещё драки не хватало здесь устроить.

Давид миг сменил гневный взгляд на мягкий. Сердитое лицо девушки сейчас показалась ему ещё красивее. Вокруг них начали собираться зеваки. Весь центр города был людным.

– Не нарывайся парень! – продолжал Ричард, уже за спиной Инны.

– А то, что будет? – ухмыльнулся Давид, разводя в стороны руки, напирая на Ричарда. Но был остановлен девушкой, ладонь которой уперлась в грудь Давида. Девушка вздрогнула, ведь ничего ещё не произошло, а она уже от страха предстоящей драки коснулась постороннего мужчины. Она резко убрала руку и произнесла:

– Хватит, я вам обоим сказала. Вы что, драться тут собрались?

– Да я не против, но, он трусит – продолжал провоцировать Давид, не убирая дразнящей улыбки с лица.

Ричард не привык к таким ситуациям и таким разговорам. Он сердился и одновременно боялся. Ему было стыдно, что смотрят люди. Его одолевал страх, что кто-то знакомый может его увидеть в этой постыдной стычке. Ему было жутко неудобно перед девушкой, и страшно, что все это может вылиться на работе в круг сотрудников и друзей. Ещё ему было страшно, что этот незнакомец попросту набьет ему морду, и, в конце концов, придётся жить с этим позором дальше, и светить подбитыми глазами перед сотрудниками и клиентами. Все эти причины сковывали его, он не был свободен от череды обстоятельств и предрассудков, страхов и ценностей, которые сейчас были скомканы во что-то однородное, но далеко не структурированное и иерархичное. Поэтому он не мог резко принять правильное решение, взять ответственность за сложившуюся ситуацию, быстро осознать реальную картину событий, структурировать несколько вариантов решения проблемы, еще быстрее составить план, и ещё быстрее начать действовать, не теряя при этом лица и достоинства.

«В таких мелких жизненных ситуациях и определяется мужской характер – думала девушка глядя на Ричарда – чего уж там говорить о тех ситуациях, когда нужно заряжать пушку под артиллерийским огнем, или идти в рукопашную, когда командир с криком «вперед», кинется убивать врагов».

Ричард терял достоинство в глазах девушки. Оно таяло, и оставалось одно тщеславие, на которое наступил характер этого незнакомого человека. И да, эта ещё неизвестность в лице обидчика, делали его втрое опаснее. Ведь Ричард не знал, чего ждать можно дальше. Поэтому, он думал судорожно, в панике, и не придумал ничего лучшего как блефом, запугать Давида:

– Ты не знаешь, с кем связываешься – почти в истерике прокричал Ричард.

– Но и ты не знаешь, с кем связываешься – отвечал Давид.

– Я могу сделать один звонок, и тебя закопают. Понял? – грозно угрожал Ричард.

– Хотелось бы посмотреть, у кого есть желание кровь проливать за тебя. Да вряд ли кто-то придет. Сам что, не можешь проблему решить? – продолжал уверенно и спокойно Давид. Ричард стоял молча и судорожно тыкал пальцами в смартфон, не-то отыскивал контактный номер в телефонной книге, не-то хотел ввести номер по памяти и не мог. Уже теперь он жалел, что проронил первую фразу, ведь он и вправду сейчас не знал, кто бы смог ему помочь, да и нелепо все это смотрелось бы, перед друзьями. Да и как он объяснит по телефону тот факт, что сам не может справиться, и почему посторонние люди должны ехать? За что спор то вообще? В этот момент Ричард разозлился на подругу, так бывает, когда гнев неконтролируем, и человек, может, не желая того, направляет его в сторону совсем неповинного человека, который, скорее всего не ответит тем же.

– Пойдем отсюда – спасала своего «потерявшегося» друга девушка. Ей было стыдно за него. Но тот не унимался, и со злобой откинул её руку. Девушка успокаивала его, но тот судорожно клацал по телефону, перелистывая список контактов. Девушке не нравилось его отношение к ней в эту минуту, она делала скидку на нестандартную и стрессовую ситуацию. Ричард в её глазах был теперь похож на истеричку, нежели на холёного парня, уверенного в завтрашнем дне.

– Ну что, найти не можешь, или некому звонить? – подначивал его Давид.

– Сейчас мы посмотрим, как ты заговоришь у нас – продолжал в смятении Ричард.

В ответ на эту фразу, наш герой рассмеялся, сложив на груди руки. Потихоньку собралась толпа прохожих, которые любопытствовали небольшой перепалке. Ричард краснел от стыда, и готов был провалиться сквозь землю, лишь бы все это кончилось. Девушка тоже не унималась, она видела, что Ричард в плачевной ситуации. Ей самой были привычны перепалки парней, она росла в деревне и знала, как дают отпор обидчикам, видела, как это делают сельские парни, а Ричард не справлялся. Поэтому хотела выручить своего приятеля, дабы он избежал ещё большего, по её мнению, позора. «Такие как Ричард, не любят пропускать по морде». – Думала она. Может это её брезгливое отношение к трусости почувствовал Ричард, может «потерял все берега» но после очередных просьб и увещаний девушки, он истерично прокричал ей:

– Да отстань ты от меня! – такого отношения в свой адрес девушка не ожидала.

– Да как ты смеешь так говорить со мной? – строго спросила она.

Ричард понял, что сделал непоправимое и, не зная, что делать дальше, злобно продолжил:

– Ты то, чего вмешиваешься?!

Инна стояла опешив. И даже не знала, что ему на это ответить.

– А-ну, не ори на девушку. – Строго проговорил Давид, приближаясь к обидчику, радуясь тому, что парень показал свое истинное лицо. Инна заметила эту внутреннюю злость в Давиде, эту агрессию, которую он в любую секунду мог обрушить, на несчастного её друга и растерялась ещё больше.

– А знаете, что! – крикнул Ричард, чувствуя, что единственная спасительная палочка, в виде оскорбленной девушки, была сломана – Идите все к черту! – прокричал Ричард от безысходности, развернулся и отправился восвояси. Инна молча провожала его взглядом, и не знала, как реагировать на эту выходку дальше. Она могла предположить все что угодно, и даже синяк под глазом у её знакомого, но только не это. Она сильно рассердилась на Ричарда. Люди собравшиеся поглазеть на скандал начали разбредаться.

– Ну и истеричка он у вас – спокойно прокомментировал происходящее Давид, взглядом провожая удаляющегося противника.

– Во-первых, не у меня, а во-вторых, чем вы лучше его? Зачем все это устроили? Думаете, я без вас не разберусь?

– Я думал он ваш парень – говорил с иронией Давид.

– Нет, он мне не парень.

– Ну и прекрасно. Теперь я с чистой совестью приглашаю вас отобедать со мной.

– Спасибо, не надо.

– Ну, тогда позвольте составить вам компанию и прогуляться с вами, всё равно вы были настроены на прогулку, как я понимаю. Тем более вы должны быть мне благодарны за то, что я избавил вас от его скучной рожи.

– И как часто вы, таким образом, знакомитесь с девушками?

– Первый раз.

– Это я виновата, потому что не увела его отсюда, теперь его будет давить чувство стыда. – Последнюю фразу девушка проговорила чуть слышно.

– Вот беда, вы ещё жалеть его надумали? За то, что он размазня не может постоять за себя? Оно того не стоит.

– Да кто вы такой вообще, чтобы себя так вести? Я имею ввиду, вмешиваться в чужой разговор, угрожать постороннему человеку, это возмутительно – рассердилась девушка.

– Тут я не поспорю и абсолютно с вами согласен, я поступил грубо. Но, рассудите сами, как я ещё мог привлечь ваше внимание? Познакомиться и так просто упустить свой шанс?

– А если бы я сказала, что он на самом деле мой парень?

– Ну, если честно, я отрицательно отношусь к близким взаимоотношениям мужчины и женщины до брака, я порицаю гражданские браки и все такое. Поэтому, если бы это было так, то я бы скорее не увидел в вас той ценности, которой должна обладать девушка вашего возраста, и не стал бы задевать вашего дружка. Но, так как мы, оказалось, были на равных, я решил попытать своего и может быть вашего счастья – последнюю фразу Давид проговорил, пристально глядя на девушку, ему хотелось вывести разговор на более позитивные нотки.

Девушка рассмеялась:

– Да мы ещё не знакомы даже, а вы, наверное, через пять минут ещё руку и сердце попросите.

– Ну, это вы слишком забегаете наперед. Нам нужно лучше узнать друг друга. А для этого, как минимум, один раз отобедать, поговорить. Так что, принимаете приглашение? – улыбнулся дружелюбно Давид.

– Ха-ха – засмеялась девушка – благодарю вас, но я не заинтересована в вашем предложении.

– Ну, тогда, позвольте, я вас проведу хоть немного. Не зря же я затевал этот сыр бор.

– Боюсь, что провожать далеко вам меня не придётся, ведь я сейчас уеду на метро, и попрошу меня больше не преследовать.

– Я проведу вас только до этих дверей, но, навязываться не буду. Пойдемте.

И они отправились в сторону метро.

– Вы простите меня, что испортил вам встречу.

– Да не извиняйтесь. Её испортили вы оба. Не случись эта ситуация, мне бы пришлось больше времени потратить, чтобы, раскусить его.

– Простите меня, ещё раз. Я действовал грубо. Но, вы понравились мне, и я думаю, что нам стоит встретиться ещё раз, может тогда, в другой обстановке и при другом настроении, у вас и у меня будет больше возможности узнать друг друга.

Девушку смутили его слова. Её щеки покраснели. Она не знала, что ответить парню.

– Оставьте мне свой телефон, и мы встретимся на следующих выходных. Нет, я не настаиваю, но, по крайней мере, у вас будет возможность подумать.

Девушка думала какое-то мгновение, сколько их, таких, уже было, лезут со своим знакомством, берут нахрапом, любезничают, зовут на свидание, а в итоге все не то, и все не о том.

Было неловко, давать телефон в очередной раз незнакомому человеку, как это делала, до этого несколько раз по наивности.

«А этот, хоть и не похож на проходимца, но может быть ничем не лучше всех остальных». – Думала девушка.

Давид увидел заминку, и пошел на выручку:

– Понимаю вас, тут такая ситуация у нас произошла с этим вашим приятелем. Давайте так, я в следующее воскресенье буду ждать вас здесь, возле фонтана, в это же время, и если у вас будет желание, мы встретимся. Договорились?

– На эти выходные, скорее всего, буду занята – без интереса отвечала девушка.

– Я все равно приду. А если у вас не получится, тогда я приду через две недели в следующее воскресенье, в это же время.

– Но ведь я могу не прийти.

– Знаю. Но, по крайней мере, я буду спать со спокойной душой уверенный, что принял все от меня зависящее, что бы встретиться с вами. И буду знать, что из этого ничего бы хорошего не вышло, потому что когда люди влюбляются, то идут взаимно навстречу друг другу. А когда стремиться только один, а второму все равно то... – и Давид не договорил.

– У вас понятия о любви так просты? – спросила девушка.

– Нет, ни в коем случае. Но, согласитесь, было бы неверным липнуть к вам и приставать без остановки. У достойной девушки, должен быть достойный спутник по жизни. А у достойного спутника, обязательно должно быть достоинство и черта приличия. Ведь любовь, несомненно, плод достойных поступков. – На последней фразе Давид ласково и по-доброму улыбнулся.

Инна не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ. Она не могла ещё разгадать, кто перед ней стоит: очередной лицемер, который прячется за пустыми словами; «клоун балагур авантюрист», который побежал за первой попавшейся юбкой, а завтра увязнет в очередное стихийное приключение; или все-таки серьезный молодой человек, джентльмен и рыцарь, как в сказках, о которых ей читала в детстве перед сном мама, готовый совершать ради неё и их будущего счастья подвиги.

– Пока вы не ушли, позвольте вручить вам подарок – проговорил Давид, отыскивая что-то в своем рюкзаке.

– Какой подарок? – удивилась девушка.

– Ну, вы, я так понимаю, не обещаете, что придете? А это значит, что есть вероятность того, что я не смогу вручить вам ваш подарок...

– Мой подарок? Что вы надумали?

Давид достал из внутреннего кармана куртки книгу и вручил её девушке. Это была одна из тех книг, которую девушка крутила в руках дольше всех, задержавшись у стола с книгами, намереваясь купить.

– Этого не стоило делать. – Проговорила в удивлении она.

– Берите. Я пойму вас, если не придете. Но помните, что в следующее и в последующее за ним воскресенье, я буду ждать вас здесь, возле фонтана, в это же время.

Девушка взяла книгу. Поблагодарила и ушла в подземку. А Давид остался стоять на месте, провожая её взглядом. В его голове теперь кипели новые мысли, надежда зарождалась в его сердце.

– Стойте! – прокричал он ей в след. Девушка оглянулась. – Как же вас зовут?

– Инна – ответила она в пол оборота, улыбнулась и пошла дальше. Давид провел ее взглядом, пока она не скрылась из поля зрения, уезжая на эскалаторе.

Знакомство с девушкой оживило его. Он понимал, что предпринял все возможное, что было в его силах, чтобы она встретила с ним ещё раз. Но, также понимал, что эта встреча может и не произойти. Поэтому остывал от внутреннего запала, мысленно успокаивался и под-

готовлял себя заранее к самым радостным и в то же время, возможно самым бесперспективным вариантам развития текущих событий. Выйдя из метро, Давид увидел возле ларька ту нищенку, которая выпросила у Инны деньги. Нищенка стояла с двумя приятелями подобной наружности, в руках у нее была бутылка водки, и вместе они планировали, где будут её распивать.

В это время Инна ехала в сторону дома, на её душе была тревога замешана с радостью, такое ощущение у неё бывало, когда в жизнь приходили перемены. Ей был симпатичен этот парень Давид. Но она о нем ничего ещё не знала, и это тревожило. Она понимала, что выбор за ней, и она может попросту не идти на свидание, но чтобы понять хочет она идти или нет, должно было пройти время. Две недели, это был достаточный срок, чтобы осознать хочет она этого или нет. Второе, что тревожило её, это неловкая ситуация с Ричардом. Он только начал ухаживать, помог продвинуться по служебной лестнице, замолвив за неё словечко, она чувствовала себя перед ним в долгу, ведь была благодарной. Она также отказывалась принимать более высокую должность, потому что, знала, что это происходит с ней по рекомендации Ричарда. Ей было неудобно перед коллегами за то, что её повысили именно таким образом, хотя она и прикладывала на работе должные усилия. Ей был не приятен тот факт, что Ричард сделал все так, без её ведома и согласия. И только потом сообщил об этом, ведь мог и не сообщать. При этом рассказал, что замолвил словечко у начальства, что бы она чувствовала его значимость и свою зависимость, и ей было тяжелее отказать его напору. Тем более, она была уверена в том, что и сама смогла бы подняться по карьерной лестнице на более высокий оклад, для этого нужно было только время и немного больше усилий в работе. Инна умела доводить дела до конца. Но, теперь чувствовала, что будет неудобно пересекаться и дальше как-то общаться с Ричардом, после случившегося, учитывая тот факт, что они едут вместе с коллегами по работе на днях в город N в отпуск. Только вчера Ричард пригласил её ехать на своем авто. Она знала, что едут и другие Света с парнем, Катя с Данилой и может кто-то ещё, и теперь ей, скорее всего, придется, откажется от поездки. «Либо – думала Инна – найду предлог не ехать с ними, куплю билет, и поеду отдельно поездом».

Электричка метро увозила девушку все дальше и дальше от места событий. Она снова вспоминала о Давиде, сжимая книгу в руках, улыбалась, и вновь и вновь перебирала в мыслях воспоминания прошедшего инцидента. Девушка решила, что начнет её читать сразу же, когда закончит читать старую, зарубежного автора. Подарок и внимание незнакомого парня Давида ей были приятны.

Жила девушка далеко, чуть ли не на окраине столицы в съёмной квартире вместе со своей подругой Таней. Настроения гулять уже не было. Нужно было ещё позвонить родителям, обратиться дома, постирать вещи, приготовить поесть, подготовить отчеты по работе, принять душ, ну и конечно почитать любимую книгу.

Глава 2

Давид ехал на вокзал в троллейбусе, разглядывал в окно дома советской постройки, за которыми возвышались современные дома новостроек. «Город все время ассимилируется, и почему-то возникает чувство, что я в нем временно, как пассажир этого троллейбуса. Оно и не удивительно, если разобраться, мы все пассажиры, частная собственность, это условность, разница между арендованным и собственным имуществом практически лишь в том, что последнее ты можешь передать в наследство, сдать в аренду или продать. Но постоянная гонка только за материальными благами не оправдана логикой и статистикой. Все должно иметь смысл. Человек – сгусток грехов, через которые проскакивает, словно тонущая на озере женщина, добродетель. Это уже вопрос о святых и праведниках. Давид как-то спросил своего друга Данилу, что для него свято, тот долго думал, и не ответил, не нашел что сказать, а потом через пол года Давид спросил опять, и Данила ответил, что все субъективно, и святость тоже субъективна, и может её нет вообще. «А есть ли Бог»? – спросил Давид. На что Данила тоже не нашел что сказать.

Давид смотрел в окно и продолжал размышлять: «Среднестатистический человек – это тот самый сгусток грехов, через который человек либо стремиться, либо совсем не стремиться к некому идеалу, который он сам себе придумал и выбрал на лотке предоставленном СМИ через книги, газеты, телевидение, интернет, систему образования. И этих идеалов сейчас расплодили и выставили очень много. Потерялась иерархия ценностей, утеряна иерархия авторитетов. Вот почему общество попало в ловушку. Разве можно назвать человека свободным, если он, пусть и самостоятельно, руководствуясь собственным решением, и свободной волей идет к чужому идеалу?»

Троллейбус подъезжал к вокзалу. Сознание Давида по ассоциативной памяти скользнуло в глубокое прошлое, когда их двоих, еще детей Давида и Гришу тоже на Рождество оставили у дедушки, и они долго сидели и рассматривали елку, которую дед поставил между двумя окнами своей старой, в послевоенной постройки хате-мазанке. На ёлке было много интересных старых стеклянных игрушек, на некоторых местах уже облупилась краска, но эта старина только придавала большего интереса, ведь все эти персонажи, рыбки, старики, звери, теремочки, снеговики, а также Дед Мороз со Снегурочкой, были персонажами неведомых сказок. На ёлке было много конфет, подвешенных за ниточки, на столе стоял чай и вкусный ужин. Стекло, в деревянных створках окон было расписано морозом, протерев которые можно было увидеть за окном выпавший снег, укрывший ветки яблонь и абрикос во дворе, и собаку Мушку, который мотался по двору и ловил ртом медленно падающие снежинки. У деда вся живность имела простые имена: собака Мушка, потому-что маленькая; кот Цыган, потому-что черный, коза Белка – потому-что белая, а вторая Стрелка, потому-что, коль первая коза Белка, то вторая пусть Стрелка, в честь советских собак космонавтов.

Брат был младше на восемь лет, и совсем не похож на Давида, ведь был с детства усидчив, тих и спокоен. Имя Гриша ему дали родители, но крестили под именем Георгий, поэтому и в семье и среди друзей его называли по-разному, кто Гриша, а кто Георгий, он на этот счет не обижался. Он хорошо учился, умел занять себя в отличии от активного Давида, который все время метался в поискать приключений. Гриша, мог часами проводить время наедине, отдавая предпочтение рисованию, играм в солдатики, лепке пластилина, шахматам, настольным играм, чтению. Когда подрос, Гриша увлекся чтением, и его можно было часто застать на подоконнике детской с очередной книгой в руках. Гриша не был тунеядцем, любил что-то смастерить, починить, вникнуть в работу сложного механизма, исправив поломку. Наверное, этому его научил дед Анатолий, к которому его часто подбрасывали родители за неимением времени на брата за работой и хозяйством. Дед жил один, и свою супругу, бабушку Георгия и Давида,

похоронил ещё в юности их отца, поэтому, будучи одиноким, он особенно был внимателен к Грише и с особой любовью занимался его воспитанием, и всегда находил ему занятия: то полочку для цветов смастерить, то табурет починить, или велосипед маме. Вместе они ходили на рыбалку, готовили еду, выпасали коз, рвали траву кролям, занимались пасекой, сушили и коптили рыбу, мясо, собирали малину в лесу, консервировали варенье, фотографировали и проявляли, на летней кухне частного двора фотографии, а также рисовали. Было и много других полезных и созидательных занятий, в общем, без дела, как правило, не сидели, дед всегда старался занять внука чем-то полезным, развивая в нем разные таланты, в надежде, что это пригодится внуку в будущее.

Ужинали в теплую пору всегда на улице под яблонькой, за деревянным столом, сидя на деревянных лавках усланных разноцветными вязаными дорожками. Такие посиделки нравились ребятам и деду, в такие вечера к ним обязательно заглядывал какой-нибудь приятель деда, да хоть тот же Астахов, имя которого ребята постоянно забывали, но всегда со вниманием слушали его истории о рыбалке, жизненных ситуациях, охоте. Человек он был жизнерадостный, хозяйственный, добродушный, наверное, это и какое-то общее прошлое объединяло стариков, и они ходили, друг к другу в гости, хоть жили не рядом. Некоторые истории Астахов рассказывал уже в двадцатый или больше раз, потому что ребята просили, и он умел рассказать интересно, поэтому мальчишки его с удовольствием слушали, а дед только и успевал подсыпать внукам борщ в тарелки, или жаренные рыбные котлетки к толченой картошке на домашнем молоке. Ужин всегда затягивался теплыми беседами и чаепитием. А в чай дед всегда использовал травы ромашки мяты, землянику, ветки смородины, малинового варенья и ещё чего-то, всегда вкусного, чего не смогли потом повторить родители, когда дедушки не стало. Вот и сейчас Давид вспоминал, как Астахов рассказывал в который раз историю, о том, как его друг позвал с собой на рыбалку. И как они шли по лесу к своей лодке, и из кустов на них выскочил дикий кабан, и как Астахов прыгнул этому кабану на спину и начал ездить на нем верхом, а друг тем временем сбежал, думая видать, что Астахова разорвал дикий зверь. Но Астахов, наездившись на кабана, спрыгивал в кусты, он показывал как, а кабан бежал прочь от злополучного всадника. А потом Астахов шел к другу домой, огорченный тем, что тот его бросил, и заставлял его дома. Его поразило то, что друг был практически в беззаботном виде за каким-то делом, пока не увидел Астахова, который сказал ему «ты мне больше не друг», разворачивался и уходил со двора. Астахов был хоть и не барон Мюнхгаузен, и на ядре в своих рассказах не летал, но на кабана ездил, и сома, что проглотил его друга видел, и пол жизни на этого сома охотился, и немецкого генерала на войне взял в плен, чем изменил ход сражения в нашу пользу и так далее и в том же духе.

Давид помнил теперь, как они расспрашивали деда Толика, правда эта история, как и все остальные, но дед только хитро улыбался, и ничего не отвечал, окутывая басни Астахова таинственной недосказанностью.

Был у деда черно-белый телевизор, а вначале 90-х не у всех пожилых людей были телевизоры, и поэтому в гости ходили в разное время, практически под вечер бабушки смотреть зарубежные сериалы, ребята не знали истинных имен бабушек, потому что дед называл их именами тех героинь, чьи сериалы они приходили смотреть. «О, Дона Бэйжа идет. – Говорил невозмутимо дед. Или – Просто Мария проходи в дом. Рабыня Изаура, бери стул, садись». При этом он имел уважение к этим старушкам, никогда не роптал на то, что они нарушают его планы холостяка, дверь его дома закрывалась только на ночь, поэтому он разрешал им заходить днем в его отсутствие, включать телевизор и смотреть любимый сериал, а сам шел во двор делать свои дела. А дел у деда всегда хватало.

Был он человеком на первый взгляд простым. Ничего внешне не выдавало в нем оригинальности, из одежды чаще предпочитал грязную робу, если что-то мастерил, или делал по хозяйству, но если шел в гости, одевал пусть и старые, но опрятные и глаженные, куплен-

ный ещё в советское время, пиджак и брюки. К наряду шли старые, но в хорошем состоянии чистые, начищенные ботинки, и на голову бескозырка по моде советских послевоенных времен. В поселке, и особенно на хуторе, где жил от рождения дед, все друг друга знали, и поэтому все друг другу здоровались. Дед здоровался вежливым «здравствуйте», кивком и поднятой над головой бескозыркой. В городе же люди просто холодно и безучастно проходят мимо, и Давиду всегда не хватало в городской среде той теплой атмосферы, где все друга знают и уважают. Деда любили односельчане, Давид был уверен в этом, это чувствовалось. Знаете, так часто бывает, чем дольше люди живут рядом, особенно соседи, тем больше за жизнь накапливается ситуаций, после которых во взаимоотношение проступает холодок, а порой и самая настоящая вражда. Потому что бедокурят, как правило, все, в той или иной степени, и редко при этом друг друга прощают, тем более соседей прощать почему-то всегда сложнее, нежели родных и близких, так уже у нас сложилось.

К деду же хорошо и уважительно относились многие, хоть и самые разные люди, с чего ребята делали вывод, что человек он был на самом деле хорошим, раз даже соседи его уважали. Наверное, поэтому у него было много друзей, которые всегда с радостью принимали его в гости. Дед с удовольствием брал внуков с собой, и вместе они совершали свое паломничество, через яр вдоль маленького ставка, по дороге мимо высоких ясеней, а потом вверх по горе вдоль узкой тропинки в дом дальних родственников, к бабе Шуре и дедушке Мише, одному ветерану. Они, будучи людьми, довольно бедными, всегда находили, чем угостить ребят. В другой день могли отправиться в конец улицы к старому вдовцу деду Семену и его сыну, в их огромную колоритную хату построенную ещё в дореволюционные времена с высокими потолками, деревянными колоннами, деревянными балками перекрытиями, настоящей печью посреди дома и вышитыми рушниками, развешанными по углам и над портретами-фотографиями родственников в деревянных рамах под стеклом. У них они тоже пили чай, общались и играли в шахматы. У дядьки Сереги и их родни дед мог немножко выпить, но всегда культурно и в меру, никогда ребята не видели деда пьяным и вообще в непотребном виде. Он всегда был сдержан, сжато, но всегда остро и метко шутил, смеялся редко, пошутит, и делает дальше скромно свое дело, хоть все вокруг за животы держаться и от хохота валяются, ну, максимум, мог улыбнуться. Если хорошо разобраться и покопаться в родословной, то практически половина семей живших улице, на которой жил дед, были родственниками. «Вот там – рассказывал дед ребятам, указывая на покинутый, на окраине улицы, на опушке леса брошенный дом, заросший бурьяном – там жила моя покойная тетка Хима с мужем. А вон там, где огород Бортников сейчас, была хата Дмитрия Пахарыны, который взял в жёны мою вторую тетку Пелагею. Чуть выше по улице жил ваш прапрадед и мой дед Матвей, но его хата не осталось, в ней рос ваш прадед и мой отец Иван, а на месте старой хаты, точнее сбоку, стояла уже кирпичная, советской постройки, с шиферной крышей, и там жили тоже какие-то родственники. Еще дальше были хаты покойных дедушкиной тетки Явдохи и дяди Петра, а за ставком сестры Нади, и множества других троюродных и более дальних братьев и сестер. Рожали тогда много детей, а селились рядом.

Давид только потом осознал, какую утрату понес, когда деда не стало, и очень сильно мучился, даже когда повзрослел, что перестал ценить встречи с дедом Анатолием в подростковом возрасте так, как это делал младший брат Гриша. Он сильнее попал под воспитание деда, что сделало его добрее и человечнее, и Давид был рад этому.

Так Георгий свое детство в большей степени провел не с детьми, а со стариками. У Гриши было очень важное, качество, он не просто умел, но и любил слушать людей, а старикам всегда было что рассказать. Тем более старики ушедшего поколения рассказывали исключительно назидательные и приличные истории, с нотками приключений и с перчинкой фантазий. «А чего теперь стоит ожидать от будущих стариков?» – размышлял Давид.

Георгий с дедом стали неразлучными друзьями. Не зря говорят, что старики с возрастом все больше походят на детей, поэтому находят больше общий язык с внуками. А еще говорят, что правильная идеальная семья, это когда есть родители, дети и дедушки с бабушками. Тогда воспитание происходит по следующей схеме: дед воспитывает внука, у него есть для этого жизненный опыт, а отец больше работает, он молод, он тоже воспитывает сына или дочь, но не так усердно или просто по-другому. А потом отец становится дедом, и воспитывает внука, пока его сын созревает как мужчина. Не буду утверждать правильно это или нет, но у ребят получилось именно так, пока родители добывали в 90-е насущный хлеб, ребятами занимался дед. Для них после смерти отца, смерть деда была большой утратой.

Григорий был одновременно настолько безобиден и добр, что его практически никто никогда не обижал. Но в то же время, характер у него проявлялся бойкий, когда нужно было постоять за слабых в школе или во дворе, в этом деле его натаскал Давид, который к тому времени увлекся боксом, и уже показывал неплохие результаты. Тем более что отец умер у ребят рано, и они, не окрепшие, вынуждены были работать с детских лет, ну и стоять за себя тоже учились сами. Давиду было тогда девятнадцать, а Григорию одиннадцать. Давид учился в университете в городе, а младший был в шестом классе. Тогда Давиду пришлось перейти на заочное отделение, нужно было работать, на учебу денег не хватало, а семью тянуть было некому.

Благо тогда на помощь пришел дядя Николай Иосифович. Он начал поддерживать родню, тем более мать ребят уже тогда болела и помощь была кстати. Время от времени он заезжал из столицы, привозил немного денег, иногда одежду и обувь своего старшего сына. Давиду же приказал доучиться, перейти обратно на очное обучение, и по возможности подрабатывать, что бы хватало только ему на жизнь, а о матери и брате обещал позаботиться сам, а дальше мол, посмотрим. Здоровье дяди было тоже подкошенное, но о болезнях дяди ребята ничего не знали. Давид чувствовал, что взрослеть придется быстрее сверстников, потому что растягивать беззаботную студенческую жизнь не получится. Поэтому за ум приходилось браться рано.

С годами дядя слово сдержал, все также помогал Грише и маме, но Давиду не помогал финансово, хотя и пристально следил за его учебой, интересовался успеваемостью, и вообще личной жизнью парня. Поэтому Давиду приходилось разрываться между учебой и подработками.

Когда Георгий учился уже в одиннадцатом классе, сильно заболела мама, поэтому он не стал никуда поступать, и остался на подработках в строительной бригаде при сахарном заводе, следил и ухаживал за слабой матерью. Давид навещал их по мере возможности, чем разгружал Георгия, и подкидывал по возможности какие-то деньги.

Домашнее время проведение, из-за больной матери, а также скорбь из-за её положения, и беспомощности, углубили Георгия в книги, и более всего в книги духовного и религиозного содержания. Времени на футбол и прогулки по ночным клубам и барам у него не было, да и желания, честно говоря, тоже. Он был белой вороной в обществе сверстников, но все относились к нему хорошо и уважительно, видя его нелегкое положение. Что-что, а к сиротам в нашем народе относятся по-доброму. Может быть, поэтому Грише прощали его религиозность, походы на службу в церковь, и на воскресную школу, и в какой-то мере считали странным, и немного сдвинувшимся. Его попытки поговорить на философские темы многие воспринимали как психологическую травму, нежели как достоинство, а обсуждать со сверстниками футбол, девочек фильмы и музыкальные группы ему было не интересно в том ключе, в котором это обычно происходило. Да оно и не странно, ведь парень к своему совершеннолетию размышлял во-многих вопросах, как взрослый. Именно поэтому он чувствовал себя одиноким долгое время, особенно после смерти отца, смерти любимого деда, отъезда брата из поселка и практически всех друзей знакомых и ровесников, которые после выпускного поступили в различные учебные заведения и разъехались по большим городам страны.

Нынче такая тенденция. Села вымирают, молодежь выезжает в города. Гриша видел, как меняется в городах молодежь, он часто говорил на эту тему с братом, и ему казалось, что в большинстве своем молодежь не меняется к лучшему. Он часто ностальгировал по тем вечерам, которые проводили у деда. Скучал по людям, которые приходили к деду в гости, и к которым они ходили в гости. Все эти исчезнувшие люди были целой эпохой, связующим звеном двух и более поколений, которые по своим нравам и традициям уходит вглубь дореволюционной эпохи. Гриша иногда горевал о том, чего по мнению Давида и сам не понимал, и не мог понять, но видать то общение с людьми, которых так быстро не стало, тот весь колорит человеческой доброты, обычаев и культуры, которую не смогли вытравить атеистической пропагандой в советское время, поселилась в нем и горела теплым огоньком благодарности ко всему хорошему, что смогла взрастить и передать ему родина. Они, люди прошлого, сумевшие передать доброе, тоже были для парня частью его огромной Родины.

Давид ждал брата на перроне вокзала, а поезд тем времени медленно подъезжал к месту остановки. Потом из вагонов начали выходить люди. Появился и Георгий, как всегда скромно одет, улыбочивый, с дорожной спортивной сумкой через плечо. Братья обнялись, поприветствовали друг друга, обговорили дорогу, свежие новости, и уже через какое-то время, беседа, вышли с вокзала и пошли вдоль трассы. Давид подошел к таксисту, желая договориться о поездке, но Григорий его остановил:

– Зачем такие траты? Можно на метро или на общественном транспорте доехать.

Парень он был с детства экономный.

– Ты не часто ко мне приезжаешь.

– Я совсем не устал, давай лучше по городу прогуляемся. Надеюсь, в тебе еще не умер спортсмен?

– Нет, конечно. Но ты уверен в пешей прогулке, ведь ты только с дороги?

– Ничего страшного, я же ехал сидя, дома еще насидимся, пошли, хочу тебя видеть и слышать, город хочу посмотреть.

И Давид хлопнул брата по плечу. В знак согласия отправился с ним вдоль дороги, уже прикинув план их маршрута, что бы брату было интересно. Вместе с тем спланировал, где его можно будет вкусно накормить. Братья шли бодро, и расспрашивали друг у друга о свежих новостях, Давид лишний раз убеждался в том, что телефонный разговор это не то, нужно видится.

– Лучше расскажи, какие планы у тебя, и надолго ли ты ко мне?

– Ой, я совсем ненадолго. На пару деньков от силы.

– Чего так мало? Останься подольше. Оставайся вообще жить здесь со мной. Помогу тебе устроиться на работу. У меня сейчас работы много. Тем более нужна твоя помощь. Как раз хотел с тобой это обсудить.

– Нет, спасибо Давид. Мне нужно ехать. Я уже решил. На несколько деньков останусь, а потом все-таки поеду. Ты же знаешь. Мы говорили с тобой на эту тему.

– Надеялся, что ты передумаешь.

– Нет, не передумал. – ответил Георгий брату, а потом немного помолчав добавил. – Я это точно решил.

– А как твоя работа, Гриш?

– Я рассчитался. Доделал все, что должен был доделать, естественно заранее предупредил начальство, что буду уходить, попрощался с ребятами и ушел.

– Расчет дали полностью?

– Ну, почти.

– Что, кинули?! – гневался Давид.

– Ну, я не хочу сейчас об этом.

– Хочешь, я разберусь, когда домой приеду, и тебе все вернут. Дай мне телефон бригадира.

– Нет, не надо. Такие смешные деньги, чтобы за них ещё разбираться. Пускай останется им на совести. Давай не будем об этом. Такой прекрасный день. Давай позже об этом.

После минутной паузы Давид начал задавать вопросы:

– Как там с родственниками все решилось?

– Ну, после смерти мамы, ты же знаешь, пошли разборки за землю покойной бабушки, за её участок. Вроде все шло без скандалов и сор, но каждый спешил урвать, свое. Завещание куда-то пропало. И дядя Коля с тетей Машей начали вести переговоры насчет всего этого. Мне сосед дядя Степа рассказывал.

– А нас проигнорировали?

– Получается, что так.

– Гриш, ну и как ты все это прокомментируешь?

– «Имейте нрав не сребролюбивый, довольствуйся тем, что есть. Ибо Сам сказал: не оставлю Тебя и не покину тебя, так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?».

– Эх, Гриша, все у тебя так просто объясняется. И на все ты знаешь ответ. Порой смотрю на тебя и завидую. Вот бы и мне эта беспристрастность.

– Ну, Давид, дело здесь не в беспристрастности. Сам рассуди. Да, мама умерла, да, мы следили за этим участком бабушки, родственники нет. Нашли или не нашли дарственную от бабушки, это уже не так важно. Мы с тобой ведь не строили этот дом. Его строил наш прадед своим детям. Нашему деду и его жене, нашей бабушке, он остался в наследство. Они там жили и содержали его в порядке, там выросла наша мама, и её брат с сестрой. Время шло, дети разъехались, тетя Маша уехала в районный центр в дом мужа, дядя Коля уехал в столицу. Потом дед умер, хозяйкой осталась бабушка, а потом и она тоже умерла, и мы, живя по соседству, начали поддерживать этот дом, что бы он окончательно не развалился, также мы пользовались огородом. Но, по существу, дом то не наш. Понимаешь?

– Но ведь и не их, исходя из твоей логики. Вот почему стоило с ними, по крайней мере, поговорить, попытаться разобраться.

– Ты то, все говоришь правильно, но согласишься, что прав у них на дом больше, чем у нас. Ведь они дети, а это их родительский дом. И...

Дальше Давид прервал брата:

– И что, а мы внуки. Мне, честно говоря, по барабану, что бы мы получили от продажи этого участка, честно, мне эти копейки не нужны, тут дело принципа, понимаешь? Ведь пока мама и бабушка жили, родственники молчали, и не ставили вопрос ребром, а когда мамы и бабушки не стало, они даже не спросили у нас совета, сами все решили. Понимаешь? В дарственной было четко сказано, что от продажи участка деньги поделить на троих. А они забрали дарственную, потом потеряли. А теперь все оформляют на себя, подкупив юристов. Вот это меня злит. Что они на этой смешной сумме продали наши семейные взаимоотношения. За маленькой материальной выгодой побежали, а на нас наплевали. И знаешь, Гриша, что самое забавное в этой истории. При встрече они будут все так же улыбаться и любезничать, будто ничего и не произошло.

– Давид, не горячись. Бог им судья.

– Это точно. Но, ничего, я ещё до них доберусь, вот только здесь разрешу все вопросы.

– Не надо. Тебе здесь дел хватает. Не стоят они того.

– Да дело не в деньгах. Понимаешь? Тут дело принципа.

– Я понимаю. Не сердись. Ведь написано [«кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»](#).

– Эх, Гришка, опять ты за свое. Но, может ты и прав. Не будем пока об этом, тем более ты ко мне в гости приехал, а я даже не накормил тебя ещё. Пойдем в кафешку, перекусим. Я с утра ничего не ел.

– Давид, у меня есть яблоки. Может, потерпим до дома, а там что-то приготовим?

– Яблоки – это хорошо. Но я хочу нормально поесть, да и ты с дороги явно голодный. Георгий знал упрямство Давида, и поэтому уступал.

И вот через какое-то время они уже сидели, в кафе сделав заказ. Опять разговорились. На этот раз Давид начал расспрашивать Григория о духовном выборе брата, почему тот начал так мыслить, почему не стал жить как обычные люди:

– Брат, я знаю, что тебе было нелегко. Я здесь весь в работе, а ты там все эти годы, большая мать, работа на стройке, ночи без сна, потом безработица, и опять рутинная тяжелая работа. Ты же знаешь, я тут повязан с дядей пока.

– Но ведь и ты помогал нам деньгами, и трудился не меньше.

– Деньги не то. Ты дарил матери внимание, заботу и любовь. Ты хороший сын.

– Ты тоже. Она очень гордилась тобой. А то, что касается моей религиозности, я, наверное, пока не смогу тебе объяснить словами те открытия, и изменения, произошедшие за последние несколько лет. Но обязательно попытаюсь, чуть позже, после моей поездки в город N. Хотя, есть большая вероятность, что я останусь там.

Долго общались братья, успели попить дважды чай, обсудили несколько тем, и даже по пути домой, продолжили дискуссию. Давид прощал брату его религиозные наклонности, и старался не перечить в этом, потому что мало разбирался в религии. Он доверял брату, и верил исходя из того что видел, а видел он веру которая помогла брату в трудные минуты. И это было хорошо.

Единственное, что тревожило его сейчас, это то, как сложится жизнь Георгия дальше.

Исаия 41:10 «не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей».

Глава 3

Инна работала менеджером в крупной фирме оптовой перепродажи аграрной продукции, а также удобрений, и техники связанной с агробизнесом. Офис фирмы находился в центре города, поэтому добираться до рабочего места приходилось долго, так как Инна жила практически на окраине. Девушка любила поспать, но высыпаться предпочитала в выходные, это знание и предвкушение субботы помогало вскочить на ноги рано. Тем более что ранние подъемы были выгодны тем, что общественный транспорт не был перегружен. «Почему большинство людей выбирают давку в автобусах и метро? Она начинается, всегда в одно и то же время, не проще выйти на 20 минут раньше?» – думала девушка, сидя в полупустом автобусе слева у окна, на предпоследнем сдвоенном сиденье глядя на постсоветскую архитектуру. За окном виднелись советской постройки панельные дома и неработающие заводы, которые по неведомым Инне экономическим или другим причинам остановили свою работу. Девушке казалось, что это не правильно, и что кто-то допустил большую ошибку, либо кто-то другой допустил правильный циничный расчет, раз мы из страны производителя превратились в бедную страну менеджеров. Инна ловила себя на мысли, что не любит свою работу, не потому, что нужно трудиться, а потому что в ней не чувствовалось созидательности. Да, агробизнес по ее мнению, был неотъемлемой частью жизни человечества. Но если копнуть глубже, а Инна любила копать глубже, и посмотреть какими вредными для почвы удобрениями засыпают землю, что бы получить больший урожай, то сразу становилось понятно, что это больше вредит нынешнему и грядущему поколениям, природе, и планете в целом. «Весь этот бизнес – думала девушка – построен целенаправленно на заработок денег, и люди которые за ним стоят, судя по всему, думают о краткосрочной выгоде. Потому, что не верят ни во что большее, кроме доллара. Потому что бояться за короткую свою жизнь упустить шанс подразнить рецепторы желудка хорошей едой, зрения, хорошими путешествиями и видами, самолюбия и тщеславия своей властью могуществом и влиянием, да всем чем угодным, но только себе, и своим отпрыскам».

Инне же хотелось быть по-настоящему полезной, а не быть, пусть и маленьким, но звеном в целой структуре, которая ей казалась в корне неправой. Да, она была не против капитализма, и того, что кто-то на этом заработает. «Пусть – думала она – лишь бы делали все честно с мыслями и делами об окружающих людях, о природе в целом».

Но больше всего Инна сердилась на свою беспомощность. Ведь сама ничего не делала, что бы изменить ситуацию, потому что не знала, как её изменить.

Так девушка была уверена, например, что целлофановые пакеты и пластик засоряют окружающую среду, поэтому одно время старалась покупать продукты без лишних пакетов, завела авоську, но некоторые товары все равно приходилось брать в пакеты, такие как картошку, лук, помидоры, иначе в супермаркете не взвесишь и не купишь товар. А если она и просила продавцов на рынке не укладывать один банан, или один апельсин в пакетик, долго приходилось объяснять свою позицию, и это приводило лишь к ухмылке со стороны продавцов, которые рефлексивно улыбаясь, не понимая до конца, что от них хотя, завязывали мертвым узлом пакет с содержимым. После чего Инна подолгу ковыряла уже дома на кухне ногтями эти узлы, что бы сберечь пакеты для дальнейшего использования в быту, что бы опять-таки поменьше выкидывать. Вся эта ее суета касалась также моющих средств порошков и прочего, которые по ее мнению попадали в воду и загрязняли почву, да и саму воду девушка старалась экономить и не тратить по пустякам. Все это требовало усилий, контроля, и дисциплины. «Подумаешь, какая-то мелочь, целлофан и пластик – считала она – но как же это все тяжело выполнить, чего уж тут говорить о других проблемах которые нас окружают». Когда излишне горел свет, Инна задумывалась об электростанциях, и об их вреде на окружающую среду, когда

пользовалась газовой печкой, задумывалась об атмосфере. Она сортировала мусор, отдельно выбрасывала пластик, в специальные приемные пункты относила накопившиеся испорченные батарейки, учувствовала в акциях протеста против вырубке лесов.

Даже езда в общественном транспорте была не совсем правильной, по мнению девушки, «Ведь я только что спонсировала загрязнение атмосферы выхлопными газами». Надо признать, что эти мысли небыли навязчивыми, скорее всего девушка задумывалась об этом один или несколько раз, и вспоминала потом косвенно, чувствуя причастность общества к всемирному бедствию, чувствуя то, что эта вина, лежа на всех, лежит частично и на ней.

Сейчас же, проезжая на маршрутке по утреннему городу наша героиня отвлеклась от гнетущих мыслей и погружалась в мечтания. Так часто происходило, когда город начинал давить серостью, и девушке не хватало ярких красок и впечатлений. В такие моменты лучшим проводником в иные миры и истории становилась хорошая книга. Последнее время Инна читала часто, и это помогало просыпаться пораньше, ведь читать было удобно только в полупустом транспорте, а также пораньше придя на работу.

В это утро Инна тоже пришла пораньше. Поздоровалась с любезным и приветливым уса-тым охранником дядь Федором, бывшим афганцем, всегда по-отцовски относившейся к ней. Девушка первой пришла в офис, который располагался на втором этаже пятиэтажного здания, поздоровалась еще в коридоре с уборщицей тетя Валей, спросила как у нее дела и отправилась на свое рабочее место, что бы оставшееся время провести за любимой книжкой. Читать по пути на работу и с работы было очень выгодно, ведь в пути девушка находилась около часа туда и часа обратно. За два часа пути откинув моменты выхода из дома, посадки в автобус, оплаты водителю за проезд, высадки посадки в метро выхода до рабочего места читать удавалось минут двадцать, плюс в офисе минут пятнадцать двадцать, и на обратном пути минут десять пятнадцать, а если оставались силы, иногда перед сном. И того в неделю в пять рабочих дней получалось за чтением провести три четыре часа, а это не мало, при условии того что тебе все равно, приходится ездить.

Еще у Инны была техника чтения нескольких книг сразу. Она заметила, что благодаря ей, она прочитывает гораздо больше. Техника заключалась в том, что девушка брала читать сразу две или более понравившиеся ей книги, и читать начинала с менее интересной. Читала, пока не надоест, и переходила на следующую, более интересную.

Девушка верила что человек состоит из того что читает, а если он не читает, то из того что смотрит и слушает. «Как правило, люди, не читающие книги, смотрят много фильмов и слушают много музыки» – думала она.

Но в то утро ей совсем не читалось, она обдумывала произошедшее с Ричардом и то, как будет сегодня смотреть ему в глаза. Она многим была ему обязанной, а теперь после того конфликта и его ухода она не знала как поступать дальше. «Будь что будет» – отмахивалась она.

Первым на работу пришел Данила, один из топ менеджеров, «правая рука Ричарда». Он поздоровался, как всегда неуместно пошутил и сел за свой стол, закинув под него кожаный портфель. В коллективе он со всеми находил общий язык, был довольно коммуникабельным и веселым, много шутил и много улыбался, и часто, по мнению Инны неуместно и лицемерно, думая о собеседнике какую-то гадость. Острые углы и конфликтные ситуации он ловко обходил, но не по причине мудрости, а скорее трусости. С первого дня работы на фирме, Инне не понравился Данила.

Ведь людей ниже по должности он не упускал возможности подколоть или унижить. При этом избирал для этого людей слабых и беззащитных. Так Инне не понравилось, как он подшучивал над пожилой сотрудницей из соседнего отдела, или пренебрежительно отнесся к уборщице, заставив более тщательно убирать под его столом. Может уборщица и плохо убрала, но Инне показалось, что замечание он делал на очень высокомерной ноте. Тех, кто плохо справлялся с работой, он любил публично унижать, порой переходя на оскорбление тех их качеств,

которые работы не касались. А вот с начальством все было наоборот, он умел лебезить и делать комплименты, расшаркиваться, и стремиться быть полезным, умел, и потрудиться и показать хорошие результаты, но не столько для дела, как для презентации себя и желания пропихнуться повыше по карьерной лестнице, где большие деньги связи и власть. «С другой стороны – думала девушка, – наш отдел показывает неплохие результаты, и может, такие методы необходимы, так как результат был на лицо». Но все же девушка придерживалась мудрости, что о человеке ничто так не говорит, как то, как он относится к более слабым.

Инна также оценивала людей по тому критерию, как они тратят деньги. Это давало обширную картину о человеке. Данила откровенно любил себя, и его очень волновало то, что о нем подумают окружающие. Почему-то для того что бы произвести впечатление на окружающих, он избирал самый тупой способ: покупал брендовые вещи, брендовый телефон меняя его каждый год, иметь дорогие часы, не соответствующие его социальному статусу, носить современную прическу, покупать «мужские журналы» исследуя модные тенденции, и модные мнения. Во всем конечно он хватал по верхам, и старался что-то читать или изучать не столько из интереса к предмету, сколько желая щегольнуть и похвастаться. В общем, он старался быть современным, ничем не уступать духу времени, но, по мнению Инны, менялся лишь внешне, а внутри оставался с гнильцой.

Пару раз в неделю ходил в сауну, с друзьями на футбол в один из дорогих спортивных клубов города и в тренажерный зал, любил водить девочек на свидания в кафе, угощая дорогими винами. А после кратковременной связи, как правило, расставался, утверждая, что это не его судьба. Хотя в судьбу он не верил. Об этом Инне рассказывали девушки из соседнего отдела.

И все бы ничего, если бы Данила не жаловался одинокой матери вдове, живущей далеко в маленьком городке о том, как ему тяжело и как он едва концы с концами сводит. Его мать жила на пенсию, но вынуждена была ещё заниматься работой уборщицы в школе, и на дому у богатых людей. Тем самым помогала горемычному сыну выплачивать долги по очередному кредиту за новый автомобиль.

Данила не нравился девушке, но она соблюдала деловой этикет приличия, будучи с ним вежливой, все же старалась не иметь с ним дел, считая его лицемером, позером и нарциссом. Подобные типажи людей на фирме встречались не редко. Учитывая напряженную ситуацию вчера с Ричардом, с которым Данила тесно дружил, Инна решила держаться сегодня от обоих подальше.

Данила сильно навязывался в друзья Ричарду, будучи движим, скорее всего, мотивом «если хочешь стать успешным, дружи с более успешными». Инна меньше всего хотела говорить с Данилой, поэтому, поздоровавшись, уткнулась в чтение.

Следом за Данилой в офис вошел Коля, по негласной кличке Баптист. Он и вправду был прихожанином протестантской церкви, но не баптистов, а пятидесятников. Но для сотрудников, не желающих углубляться в догматическое отличие церквей, он был просто Коля Баптист.

Его стол находился справа от стола Инны, и это ее радовало, потому что в отличии от Данилы, этот парень был поприятнее, и попроще. Он жил на одном районе с Данилой, практически соседи, через два дома, поэтому ездили на работу вместе. Данила подвозил своего коллегу, но при этом, конечно не стеснялся брать с него денег, за полпути «на бензин». Для Коли это было дороже, чем ехать общественным транспортом, но более комфортно и быстро, поэтому он соглашался. Инна не грамма не удивилась, когда узнала об этом, ведь Данила был крайне мелочен и расчетлив. «Ведь Данила все-равно едет на работу, с тобой или без тебя. Неужели он не может подвести бесплатно? – спрашивала Инна, когда Коля однажды рассказал ей об этих поездках. «Ну, что поделаешь, мне так всё равно удобнее» – комментировал он. При этом Инна знала, что Данила последнее время практически каждый день после работы

старался подвезти домой Катю, и с нее, разумеется, денег не берет. «Возит, скорее всего, авансом» – шутила про себя девушка.

Коля Баптист был сотрудник не глупый, дела вел хорошо. Надо заметить, что отдел, в котором работала Инна, был лидирующим на фирме. И Коля не отставал от других менеджеров компании.

Он был довольно элегантный молодой человек, педант, умел хорошо говорить, и был похож скорее на руководителя, нежели на рядового менеджера. Свою веру он иногда афишировал, вольно или не вольно, когда ему предлагали выпить, или выводили на пошлые разговоры о женщинах, когда оставался наедине в мужском коллективе, или по другому какому-нибудь случаю. Тогда он мог обличить кого то, ссылаясь на священное писание. Как его только не называли ребята: и Баптистом, и Еговой (производной от свидетелей Иеговы), и адвентистом, и евангелистом. Но, в истинную сущность его вероисповедания никто из коллег не вникал. «Все от невежества и нежелания людей знать друг о друге больше» – подмечала девушка.

Инна только один раз спросила его о его вере, и получила длительный и очень внятный рассказ, и о том, как он был смертельно болен, был прикован к постели, и врачи поставили на нем крест, но он уверовал, раскаялся, и обрел спасение. Рассказывал о том, как изменил свою жизнь, что перестал гордиться, тщеславиться, обманывать, что полностью преобразился и стал другим. Все это Инна уже слышала раньше, еще в школьные годы, когда жила в районном центре, и ее с подругами на улице встречали проповедники, раздавая брошюры и приглашающие на их концертные проповеди. Все это, особенно уверенность человека в том, что он уже не гордиться и не тщеславиться, не делает ничего противозаконного, прописанного Богом, вызывало уже в подростковом возрасте у девушки ухмылку. Она была наблюдательна к людям, и пришла к выводу, что самые глубокие потаенные человеческие страсти, подобны хроническим заболеваниям, которые просто не лечатся. И если болезнь не подает симптомов, нельзя быть уверенным в том, что она завтра не вернется. Подобные утверждения протестантов заставляли девушку прийти к выводу, что они легкомысленны в своем большинстве, не глубоко изучили вопрос человеческой природы, и даже себя толком не знают. «Как же они могут при этом учить других? А как только начнешь задавать вопросы, выбивающие их из парадигмы протестантского мировосприятия, так они сразу начинают теряться. У большинства из них, словно нарушено длительное построение логической цепочки в беседе. Поэтому они либо прекращают разговор, резко меняя тему беседы, считая тебя заблудшей овцой; либо тупо пытаются переубедить в своем, не углубляясь в то, что ты пытаешься донести; либо аргументировать, если это кальвинисты, считают, что ты не предопределен Господом для спасения, раз ты не слушаешь их.

Инна читала у святых отцов Православной Церкви, что подобное состояние называется прелестью.

Также Инна подметила между протестантами много схожего в форме подачи миссионерской проповеди. Практически у всех был заготовлен рассказ о некой победе над недугом или большой греховной страстью; все утверждали, что сильно изменились, и практически все называли себя спасенными. Это в глазах Инны выглядело слегка наивным, и словно под копирку заученным, будто по программе вербовки новых адептов. Или по программе «пяти шагов продаж», которой обучают практически всех новоприбывших менеджеров на фирме. Это установка контакта с выявлением потребностей клиента, презентацией товара желательна с правилом трех «да» (когда поднимаются причины или проблемы, с которыми гласно или не гласно клиент должен согласиться три или более раз, что на уровне подсознания расположит клиента на сделку), преодоление возражений, вилка цен, и завершение сделки. Большинство из таких горе проповедников, по мнению девушки, даже не понимали, что действуют по прописанной стандартной системе продаж. «Торговцы верой». – Про себя называла их девушка, ведь ей казалось, что вера приходит в жизнь человека не так. Хотя девушка видела протестантов, кото-

рые выглядели благочестиво, их семьи были крепки, многодетны и счастливы. Но, оставим Колю Баптиста и вернемся к новоприбывшим на работу.

Потом в офис зашла Катя. Именно за ней ухлестывал Данила. При виде Кати он выровнялся в плечах, как-то сладострастно улыбнулся ей и поздоровался, в надежде получить взаимное приветствие. Но Катя поздоровалась холодно, ровно так, как и с другими сотрудниками. Это явно расстроило Данилу, и он резко изменился в лице, нахмутив брови.

Катя была немного младше Инны. Девушка проработала на фирме уже несколько лет, знающая здесь всех, и не плохо справляющаяся с работой не лучше и не хуже других, она хорошо ужилась в коллективе. Умела сойтись с разными людьми, потому что всех подкупала своей сговорчивостью и умением слушать. Любила расспросить что-то у каждого, была крайне любопытна к любым новостям, что бы потом в сплетнях, приправив эти рассказы соусом своей извращенной фантазии преподнести слушателю блюдо в виде лжи или клеветы о том или ином человеке. Надо признать, что Катя была не глупой, либо не настолько глупой, что бы сильно сплетничать о коллегах из своего отдела. Чаще всего она любила прошмыгнуть по соседним отделам, и все сплетни оттуда принести сюда. Она делала это со страстью, была неким сканером. Оценивал человека с ног до головы, каждую его фразу, каждое движение, каждый жест, лишь бы найти в нем какой-то изъян, потом уцепиться за него, а потом унижить в глазах всех окружающих. Инна была уверена, что Катя делает это ради внутреннего удовольствия, смакуя очередное падение приличного человека. Не зря ведь Достоевский писал «Люди любят падение праведников».

Внешне Катя всегда выглядела опрятно, стиль одежды предпочитала деловой, дорогой, но безвкусный и всегда старомодный, и моментами вульгарный, при этом одевалась так скорее не из мотивов собственного вкуса стиля или моды, но что бы нравиться мужчинам. Она любила приковывать к себе взгляды, и надо признать многие считали её привлекательной, местами даже чересчур, по крайней мере, это дело вкуса каждого, но приковывать взгляды мужчин ей таки удавалось. Данила же, будучи пока вне поля доступа к ней в полной мере, ревновал ее к каждому ухажеру, который пытался оказать ей свое внимание.

Катя это замечала, и ей это нравилось.

Она была тем типом женщин, которых Инна про себя называла «пупом земли». Ведь у таких людей, выстраивалось на протяжении жизни какое-то незыблемое представление о мире имеющее оценку «как должно быть», и это их «как должно быть» стояло всегда выше любого чужого мнения, даже если оно было самым неаргументированным тупым и нелогичным.

Взгляды Кати, чаще всего делились на «нормально» и «ненормально», исходя из того что сама Катя считала «нормой». Например, Катя могла осудить чужую прическу, или высказывание, чье-то суждение или поступок лишь потому, что он шел в разрез с её представлением о том, как должно быть. При этом она сама через какое-то время могла поступить также, тогда она резко меняла свое мнение, и вот уже так мыслить и поступать было правильно, а иначе нет.

Инне не нравилась Катя, и с ней она тоже старалась пересекаться поменьше. Катя была карьеристкой, и тоже метила на должности повыше, поэтому последнее время она рыла под Ричарда, и старалась быть с ним крайне приветливой и вежливой. Оно то и не удивительно, ведь он был главой всех отделов менеджеров в фирме, но у Кати были на него более дальновидные планы.

На побегушках у Кати была Света. Девушка невзрачная, серая. Такие, как правило, сливались с серой массой коллектива и плыли по течению. И в большом коллективе, они, словно по природе своей, будучи ведомыми, искали к кому пристать. Придя на работу несколько лет назад, Инна застала Свету именно в таком положении. «Катя, тебе тут помочь? Катя, я пойду займу нам обеденный столик. Катя, ты знаешь о распродажах в эту пятницу? Катя, посоветуй, что мне одеть, завтра приезжает начальство...» И так целыми днями без остановки. И только последний год Свету немного переключило на Инну. К удивлению последней, у этой мышки

Светы был уже года два парень, с которым она жила на съёмной квартире, но все никак не расписывалась. Человек он был очень специфичный, звали его Сережа. Инне удалось его увидеть на праздновании дня рождения коллеги по работе в прошлом году. У Инны сложилось впечатление, что он очень гордый, и высокомерный. Её очень удивила его надменность, ведь по факту он был обычным сотрудником строительной фирмы, и иногда ездил от этой фирмы в командировки за границу, из-за неплохого знания английского языка. Эти поездки как раз и были единственным поводом гордости этого молодого человека, и источником бесконечных рассказов о том «как там у них» и «как тут у нас». Он так страстно и горячо рассказывал об этих поездках, что своим разговором мог занять всех надолго, ни разу не спросив собеседников хоть что-то. А если вдруг ему на ум когда-нибудь и приходила мысль у кого-то что-то спросить, то лишь для того, что бы найти в другом человеке какой-то недостаток, ухватившись за который, можно было перемывать этому человеку кости до конца своих дней. Увидев эту особенность, Инна поняла, почему сошлись эти странные люди вместе, их объединяло это жгучее желание обсудить других, и при этом им и в голову никогда не могла прийти мысль о том, что они хуже других. Эта же страсть объединяла Свету с Катей.

А пока рабочий процесс шел в своем стандартном ключе. Весь офис был заполнен сотрудниками, которых насчитывалось около двадцати человек. Но потом появился Ричард, он только пришел с утреннего совещания и, делал вид, что не видит Инну. Шастал туда-сюда по отделу, и собирал отчеты о проделанной работе.

Инну это окончательно задело и рассердило, она думала, что это не по-мужски, игнорировать её, Он же в свою очередь сердился на нее, оправдывая свое вчерашнее малодушие неправильным поведением Инны и её контактом с тем неадекватным парнем, из-за которого и начался весь, по мнению Ричарда сыр-бор.

Инна следила за работой Ричарда вскользь, тот ни разу не взглянул в её сторону. Ричард за день очень много говорил с Данилой. В глазах Инны это была странная дружба. Данила всячески лебезил перед Ричардом, и уступал ему не только по должности и финансовому положению, но и по характеру и уму. Ричард был парень сообразительный. Умел организовать работу, найти клиентов, и сбыть товар. Он, как и Данила любил пустить иногда людям пыль в глаза своим положением и достижениями, но делал это реже и более завуалировано. А Данила старался не уступать, у него была какая-то слепая тяга к Ричарду не то от зависти, не то от желания получить баллов от его успехов находясь рядом.

Работа продолжала кипеть. Во всем офисе стоял гул от телефонных звонков и разговоров, и только в обеденный перерыв все немного стихло.

Уже в столовой, девушки начали обсуждать текущие выходные и поездку в город N. Говорили о том, кто с кем поедет, обсуждали бронь в номерах, цены на съёмные квартиры, решали, куда стоит сходить и какие наряды нужно с собой взять. Инна лишь косвенно участвовала в дискуссии и думала о том, как отказаться вовсе от поездки или найти повод, что бы поехать туда самостоятельно, не с Ричардом на машине, как он предлагал до этого. «Да и будет ли действовать его предложение после случившегося? – думала девушка – но даже если предложение в силе, найду повод ехать без них».

Обед закончился. Рутинный рабочий день продолжился, интенсивность звонков уменьшалась, все потихоньку настраивались идти домой.

После работы, уже выходя из офиса, к Инне подошла Света, и попросила сходить с ней в ближайшее кафе на очень важный разговор. Инна согласилась. Света шла чем-то встревоженная и периодически оглядывалась по сторонам.

– Ты кого-то боишься? – спрашивала Инна.

– Да, его.

– Кого?

– Сергея боюсь. Потерпи, я все расскажу, мне нужен твой совет.

Через несколько минут они уже сидели в кафе.

– Инна, я всегда считала, что лишнего не стоит рассказывать посторонним людям. Поэтому хочется доверить свою проблему только тебе. Дело в том, что в этой ситуации меня никто не поддерживает, ни родители, ни подруги, ни любимый человек. Об этом стыдно говорить, но я боюсь допустить ошибку.

Инна уже догадывалась, о чем пойдет речь дальше. Свету она знала с самого начала своей работы на фирме и познакомилась с ней на одном из корпоративов. Праздник проходил в арендованном, частном доме. Инна, что бы уединиться от шумной и на тот момент незнакомой компании вышла на небольшой балкончик второго этажа. Там она любовалась звездным небом сквозь разлогие ветки деревьев и со стороны наблюдала за молодежью, которая занимала часть двора в играх и конкурсах.

В какой-то момент к ней подошла Света и попросила присесть рядом. Инна согласилась и они разговорились. Кати в тот вечер на удивление не было, хоть она и старалась не пропускать подобные мероприятия, кажется, она заболела, отравление желудка, или что-то в этом роде.

Беседовали тогда о родных краях (кто, откуда приехал), о школьных годах, об увлечениях и любимых книгах, о музыке и фильмах. Наверное, общее увлечение книгами проявилось у Инны интерес к девушке. У Инны было тогда мало друзей в городе, и она была открыта для новых хороших и добрых людей. Света таковой ей на тот момент показалась. А потом были и другие теплые встречи, чаще после работы, и Инна уже кое-что да знала об этом её Сереже, и не как не могла понять, что может заставить женщину жить с таким ничтожеством. Познакомился он с ней через соцсети. Девушка она до этого была нетронутый, ухажеров не было до Сергея, и поэтому она кинулась с пылом и жаром отдаваться этой прекрасной, чаще надуманной возвращенной на любимых фильмах любви, не отдавая себе отчет в том, что она что-то делает не правильно. Инна была свидетелем зародившихся у них чувств и была уверена, что Света бежит впереди паровоза, что она ещё мало знает Сергея, но скорее, по наивности или, если быть честными, по глупости позволила ему очень быстро овладеть всеми прелестями взаимоотношений молодой пары. В глазах общественности все проходило нормально «дети встречаются» думали её родители, подруги расспрашивали, какой он в сексе и советовали контрацептивы, Сергей же был настырен в пылкости чувств и впиался в юность и красоту возлюбленной как паук. Нет, конечно, у них была не только половая добрачная связь, но и цветы подарки кино рестораны совместные поездки на море и многое другое. Они смотрели на это вполне нормально, ведь такие нынче нормы морали, а родители отвечали на вопросы своих друзей «как там Света?» стыдливым ответом «живет в гражданском браке». Ведь за их молодость такого ещё не было. Только прожив полгода на съёмной квартире и вкусив бытовой жизни Света, опомнилась и начал задавать Сергею вопросы: «А когда мы поженимся?», «А как будем праздновать свадьбу?» «Как будем дальше планировать жизнь? И что ты думаешь о нашем семейном будущем?» Но Сережа технично уходил от ответов либо холодно отвечал короткими фразами что «брак – это всего лишь штамп в паспорте», что у него сейчас перебои с работой и ему нужно время, что бы все утряслось и что им не стоит спешить, нужно пожить и присмотреться друг-к-другу. К такому Света была не готова, она думала, что семейная жизнь это естественное продолжение любовных отношений. Расстающиеся пары ей казались чем-то случающимся с посторонними людьми, которые попросту выбирают не тех, не умеют любить по-настоящему и так далее. В свои же чувства Света всегда была уверена, и никогда не могла поверить, что у неё будет стандартная банальная, как у большинства молодых пар, история любви. И когда она уже и с этим начала смиряться, и уживаться, грянула другая проблема. И об этом Инна узнала из уст Светы за чашкой чая в соседнем от фирмы кафе:

– Я жду ребенка – проговорила с какой-то тревогой Света.

– Боже, какое счастье – радостно реагировала Инна, хлопнув в ладоши. Но Света прерывала её восторг:

– Не спеши радоваться. Сережа не хочет ребенка. Он говорит, что не планировал, что не сейчас... и мне кажется – в этот момент её губа задрожала, что он бросит меня, если я его не послушаюсь.

– Но ведь это его ребенок! – Удивлению Инны не было границ.

– Ну, это ещё не совсем ребенок, я всего лишь на одиннадцатой неделе.

– Как же, Светочка, дорогая – продолжала заботливо Инна, ведь это человек. Посмотри на это как на ваше счастье, когда ты выносишь его, когда он начнет толкать тебя в живот, когда родится, ты забудешь обо всех этих неприятностях...

Но Света перебивала, не дав договорить:

– Я это все понимаю. Мои родители тоже советуют сделать аборт.

Инна настолько была восприимчива к таким ситуациям, что у нее начало подниматься давление, кровь начала пульсировать в висках, голова закипала от мыслей что подсказать, и чем помочь, тому, не родившемуся ребенку и глупой матери.

– Родители считают – продолжала Света уже покрасневшими от стыда щеками, поняв позицию Инны – что ребенок сейчас не уместен, что мне нужно ещё зарекомендовать себя на работе. Тем более декретные нам не платят, а у нас с Сережей нет ещё ни жилья, ни машины.

– Но ведь это уже человек. И у тебя есть возможность стать мамой, ты уже мама. А родители, когда у них появиться внук или внучка они просто растают от счастья, пройдет время, и все забудут то, что говорили, и вы будете жить счастливо.

– Нет, Инна, ты все идеализируешь. – Света огорченно разводила в стороны руками – ты не понимаешь всей ситуации, если я рожу ребенка, моя жизнь сегодняшняя, прекратится. Отношения с Сергеем разрушаться, я потеряю работу, родители осудят меня...

Инна перебила Свету:

– Да разве она того стоит эта жизнь, эта работа, такой «любимый» молодой человек и такие родители того что бы уже появившегося человека на свет лишать жизни?

– Инна, это еще не человек!

– А кто же?!

– Это плод, эмбрион, живая клеточка...

– В общем, все что угодно, только не человек, да? И как же слова подобраны, эмбрион, плод. Это живой человек, твой ребенок, ты – мама, уже мама, а не убийца. Рожай, Светочка, я тебя очень прошу, ты себя всю жизнь потом мучить будешь, что ребенка своего загубила. Да, тебе сейчас сложно, трудно будет, придется перестроиться, но оно того стоит, дорогая. Пускай смирятся все перед твоим выбором, на работу нечего пенять, не трусь, подойди к начальнику отдела, переговоры, хочешь, я поговорю?

– Нет, никому не говори, я сама, если что.

– Сережу настрой на то, что он будет отцом, не захочет быть рядом – гони в шею. Родители, какими бы строгими не старались быть, но от тебя не отвернуться и от малыша тоже. Наплюй на мнения, собери волю в кулак и готовься рожать, иначе я тебе этого не прошу.

Света сидела, потупив взгляд в пустую чашку. Видать не на тот эффект она рассчитывала, хотя и знала, что от Инны можно было ожидать чего угодно, она всегда имела свое мнение по любому вопросу, всегда была верна своим принципам и часто не соглашалась даже на первый взгляд с пустяковыми вещами.

– Инна, откуда у тебя такой негатив по отношению к абортам?

– А может быть меня тоже хотела мать в утробе убить.

– Откуда ты знаешь что хотела?

– Но ведь как-то убила двоих.

– Ты одна в семье?

– Да.

– Я тоже – ответила Света, а потом продолжила с интонацией человека теряющего интерес к разговору – буду идти, Сережа уже несколько раз звонил...

– Света, прошу тебя, не делай ошибки.

– Не знаю, что ответить пока, но у меня будет к тебе одна просьба, пожалуйста, никому не говори о нашем сегодняшнем разговоре.

– Ты знаешь, я умею хранить тайны. – Слова Инны были правдой, у нее было отличное от свойственного большинству женщин умение не болтать лишнего, держать язык за зубами, и не вступать в ненужные разговоры.

Сейчас же Инна чувствовала, что разговор приблизился к концу, в её сознании роились мысли, и ей нужно было сказать, что-то важное вспомнить и озвучить что-то увещательное. Но ничего не подворачивалось на ум. В какой-то момент Инна произнесла в уме «Господи, помоги»... в этой фразе был крик о помощи, и чувство безысходности и беспомощности перед лицом нависшей проблемы и грядущей неисправимой ошибки. На Инну лег груз колоссальной ответственности. Она также понимала, что до этого момента Свету никто не поддержал в решении рожать, не помог разобраться в этой ситуации, а значит, в его убийстве будут виноваты тоже все окружающие, и она Инна тоже будет виновата, если не предпримет все аргументы для увещания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.